

Olga Dorczuk

Uniwersytet Jagielloński

**АНТРОПОНИМИКОН «СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ»
ИВАНА ГРОЗНОГО.
(О ФОРМАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ
СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА НОСИТЕЛЕЙ ИМЕН)**

**The Anthroponymycon of Ivan the Terrible's «Service Class People».
(On Formal Exponents of the Social Status of Name Holders)**

ABSTRACT: The article presents the results of the analysis of “The Register of Ivan the Terrible’s oprichniki” – a document from the second half of the 16th century. It is precisely at this period that the present day three-part naming system: name – patronymic – surname was being established in Muscovy. The author attempts to prove that at this time the social status of a man could have been deduced from the formal exponents of his name: the number of its constituents, the structure of its patronymic, the fact that the name belongs to non-calendar or Christian names, and also from certain derivational markers.

KEYWORDS: anthroponymy, onomastics, 16th century, oprichniki’s names

Годы правления Ивана IV Грозного являются одним из самых знаменательных периодов в истории России. Именно первый «царь всея Руси» предпринял небезуспешную пробу укрепления самодержавной власти, а проведенные им реформы – земская, военная и судебная – оказали большое влияние на дальнейшее развитие страны. При Иване Грозном Московская Русь значительно расширила свои территории и стала централизованным государством. Далось все это высокой ценой, а самые страшные годы пришлось на время опричнины.

Как известно, мрачный период своей политики Иван Грозный открыл в 1565 году, подписав указ о введении системы чрезвычайных мероприятий, выполнение которых возлагалось на специально созданный для этих целей аппарат. Людей, состоявших в своеобразной личной гвардии царя и непосредственно осуществлявших «слово и дело государево», называли опричниками. Вступая в опричное братство, они отрекались от семей и общепринятых

норм поведения, приносили царю клятву в верности и, облеченные в черное, «выгрызали и выметали измену» (не случайно символами службы опричников были собачья голова и метла). На протяжении всего лишь семи лет (по 1572 г.) эти «псы государевы» сеяли на русской земле террор и беззаконие.

Царскую волю воплощали в жизнь не только служащие опричного войска. На землях Московии в то время был выделен надел, принадлежавший государю (он назывался *опричина* в отличие от *земщины* – остальной части земельных владений, управляемых, согласно уверениям Грозного, Боярской думой¹). Заведовавший опричиной опричный двор состоял из административных ведомств – приказов. Это были органы исполнительной власти, стоявшие во главе отдельных отраслей государственного управления, напр.: Посольский приказ занимался иностранными делами, Разрядный – организацией военной службы, приказ Большого прихода отвечал за сбор доходов... Опричная государственная махина, задействовавшая сотни людей, имела неоднородный состав: в ее штате были князья, бояре, дворяне, но также незнатные служилые люди.

Сохранившиеся списки опричников для историка языка представляют особую ценность, поскольку дают возможность присмотреться к ситуации в именительном роде, складывающейся в Московском государстве во второй половине XVI-го века. Это было время начала становления трехчленной модели именования – привычных сегодня имени, отчества и фамилии, при этом каждый из названных элементов мог нести указание на социальный статус носителя.

Впервые о существовании самого полного *Списка опричников Ивана Грозного* стало известно из публикации ленинградского историка проф. Д.Н. Альшица, который в 1949-м году издал документ, обнаруженный исследователями в Эрмитажном собрании рукописей Российской национальной библиотеки². В 2003-м году свет увидело переиздание списка – на тот раз с указателем перечня имен «служилых людей», составлявших опричный двор³. В примечаниях к переизданию дается информация о том, что переписчик XVIII-го века, по всей вероятности, пользовался двумя списками оригинала, а опубликованный перечень является копией с официального документа от 20 марта 1573 года. В рукописи значатся свыше 1800 опричников – князей, бояр и боярских детей (667 человек), а также служащих опричного двора, занятых в четырех приказах (Постельном – 184 человека, Бронном – 102, Конюшем – 423 и Сыт-

¹ В опричину принимались лишь те, у кого не было родственных связей с земскими людьми (см.: А. Павлов, *Политический розыск на Руси во второй половине XVI века*, [в:] *Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX век*, Москва 2002, с. 40).

² Д.Н. Альшиц, *Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года*, «Исторический архив» IV, Москва–Ленинград 1949, с. 3–71.

³ *Список опричников Ивана Грозного*, ред. С.А. Давыдова, Санкт-Петербург 2003.

ном – 485)⁴. При упоминании каждого представителя «служилых людей» имеется указание на его титул (если таковой имелся), должность и получаемый оклад.

О социальном статусе опричника – помимо этих прямых свидетельств – дают возможность судить параметры антропонимикона, т. е. системы собственных имен. Как мы постараемся показать, в числе квалификаторов общественного положения владельца того или иного имени выступали такие лингвистические характеристики как количество компонентов величания, характер некоторых из элементов антропонима, отдельные словообразовательные особенности форм имени, отчества и фамилии, а также включение в формулу нареkania непосредственной указки на привилегированную позицию называемого лица.

Кроме обозначенных параметров именования рассматриваемый материал отражает иные специфические черты тогдашнего имятворчества, отличающегося широкой вариативностью и нестабильностью. Причиной такого положения стали изменения в системе антропологических номинаций, приходящиеся на этот переходный период. В XVI-м веке происходит столкновение старых способов нареkania с новыми, что выражается в сосуществовании одно-, двух-, трех- и многоступенчатых моделей называния людей, а также в наличии имен, имен-прозвищ, отчеств (по отцу и деду), отчеств-фамилий, фамилий. В это же столетие наравне с именами христианскими продолжают использоваться славянские некалендарные имена. Кроме того, расширение Московской государственности новыми территориями, прирост населения за счет миграции и активной колонизации способствовали распространению непривычных инородных по происхождению антропонимов. Все эти дополнительные нюансы именования опричников по возможности будут получать сопутствующий комментарий, но основной целью анализа останется обозначенное в заглавии выявление формальных показателей социального статуса носителя имени.

При исследовании материала нетрудно было убедиться, что едва ли не самым заметным маркером положения, занимаемого человеком в обществе, являлось количество компонентов именования. Среди опричников лишь немногие значатся **одночленными** онимами, а точнее, таковых фиксируется только

⁴ Постельный приказ ведал обслуживанием дворца, гардеробом и предметами обихода царской семьи, он состоял также из истопников, которые прислуживали царю в его комнате, за столом, в бане, крестовых и певчих дьяков, мастеров (шатерников, плотников, чемоданника, портных и др.). Бронный приказ производил оружие, в его состав входили оружейных мастера, сабельники, шоломники, панцырники, лучники и др. Служители Конюшого приказа отвечали за конское хозяйство царского двора, а те, кому довелось быть причисленными к самому большому Сытному приказу, занимались заготовками мяса и других продуктов питания, хлебопечением и приготовлением пищи. Здесь значились ключники, подключники, хлебники, масличники и др.

четверо: *Истомка*, *Куземка*, *Горемыкин* и *Ташов*. Носители двух первых имен играли в опричном дворе малозначимые роли: *Куземка* был пуговичником и имел оклад в 2 рубля, 2 четьи ржи и 2 четьи овса; *Истомка* работал гвоздочником, зарабатывая пол 2 рубля, 2 четьи с осминою ржи и 2 четьи с осминою овса. Оба служили в Постельном приказе. Гораздо больше получали «стряпчей писарь» *Горемыкин* из Сытного дворца и *Ташов*, фигурировавший среди детей боярских, – по 15 рублей⁵. Скорее всего, перед нами всего лишь усеченные, в силу каких-то обстоятельств недописанные формы двух- или многоступенчатого именованя. На это, в частности, указывает дефект записи одного из рассматриваемых примеров – перед антропонимом *Ташов* стоит знак *, означающий пробел в строке:

Ондрюша Юрьев сын Костицкого.
**Ташов*⁶.

Дополнительные аргументы в пользу выдвинутого предположения усматриваем также в том, что, во-первых, обладатель онима *Ташов* упоминается в перечне среди опричников, представляемых многоступенчатыми формами номинации; во-вторых, он принадлежит к среде детей боярских, именуемых отнюдь не одночленно во всех иных многочисленных фиксациях. Аналогичные аргументы можем распространить и на *Горемыкина*: носитель якобы «говорящего» отчества или прозвищной фамилии, судя по роду занятий, не оправдывал ни значения своего именованя (ср. *горемыка* – ‘несчастный человек, неудачник, преследуемый всевозможными бедами’), ни его однокомпонентной структуры.

Иначе дело обстоит с владельцами имен собственных (далее ИС), выступающих в уничижительной форме, т.е. с *Истомкой* и *Куземкой*. Именованя *deminutiva* с *-ка* на протяжении ряда веков носили в Московии и потом в России исключительно простолюдины. Сохранившиеся тексты, в которых «крупный боярин, (...), сам подписывался в челобитной царю: „холоп твой Васька”»⁷, должны трактоваться лишь как проявления притворного обращения к приемам лживой дипломатии. Конечно же, неслучайно *Истомка* и *Куземка* из опричного двора получали самое низкое жалование.

Гораздо многочисленнее в *Списке опричников* представлена группа людей, именуемых **двухступенчатой формой** нареканя. Такая модель состояла из

⁵ Антропонимы *Горемыкин* и *Ташов* представляют собой краткие прилагательные, образованные с помощью суффиксов *-ин* и *-ов*.

⁶ *Список опричников Ивана Грозного*, с. 64.

⁷ См.: В.А. Никонов, *Имя и общество*, Москва 1974, с. 19.

имени и второго компонента, являющего собой то ли второе имя; то ли патроним, обозначающий принадлежность человека по отцу; то ли фамилию. С учетом количества фиксаций именно двучленный антропоним должен быть призван самым распространенным для того времени, пусть даже с оговоркой – применительно к именованию опричников. Таким образом именуется 60% служащих опричного двора (1125 человек) – и это бояре, дворяне, духовенство, а также представители низших сословий.

Лишь единицы из этих служилых людей получали высокий оклад:

Дьяк Петр Григорьев (300 рублей),
Дьяк Постник Суворов (150 рублей),
Дьяк Афонасей Демьянов (100 рублей),
Сулей Артаков (100 рублей),
Михайло Чюбаров (100 рублей),
Дьяк Ерш Михайлов (80 рублей),
Дьяк Левонтей Вырубов (50 рублей),
Дьяк Гаврило Михеев (30 рублей),
Подьячие Стахей Иванов, Богдан Иванов по (30 рублей).

Следует отметить, что почти во всех приведенных примерах перед *nomina propria* стоит слово *дьяк/диаак, подьячий*, что свидетельствует о должностной обязанности человека. Дьяки играли тогда видную роль в местном управлении. Они имели право участвовать в заседаниях Боярской думы и в работе думских комиссий⁸. Низший слой приказных людей, собственно писцы, уже отделился во времена Ивана Грозного от дьячества. Среди перечисленных служащих без представления по должности упомянуты лишь *Сулей Артаков* и *Михайло Чюбаров*. В исторических источниках, однако, сохранились сведения об их высоком общественном положении. *Артаков* был начальником дворового Стрелецкого приказа. Будучи стрелецким головой, участвовал в Ливонском походе 1577 г. и доставил из-под города Лудзен пленного старосту Юрия Букана⁹. *Михайло Чюбаров* значится как голова Большого полка судовой рати (сейчас эту разновидность войск называли бы десантом) в росписи о сторожевой службе против татар, на которую в апреле 1576 года Иван Грозный отправился самолично¹⁰.

⁸ В органах местного управления дьяки в XVI веке являлись товарищами (помощниками) наместников по всем делам, кроме предводительства войском, и сосредоточивали в своих руках финансовую сторону дела (см.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, *Энциклопедический словарь*, т. XI, Санкт-Петербург 1893, с. 321).

⁹ *Список опричников Ивана Грозного*, с. 114.

¹⁰ *Разрядная книга 1475–1605 гг.*, т. I, ч. 1, Москва 1977, с. 405–406.

Хорошее вознаграждение причиталось, конечно же, и титулованным особам, таковые, однако, двучленной моделью именования представляются редко: это князь *Иван Аликеев (60 рублей)*, князь *Иван Янчюрин (60 рублей)*, князь *Тихон Киясов (50 рублей)*. В целом князьям, как будет показано ниже, присуще многокомпонентное величание.

Опричники, поименованные двухкомпонентным антропонимом, но уже без указания на должность и титул, получали жалованье поменьше. Носители имен и отчеств получали на руки от 1,5 рублей (*пол 2 рубля*) до 15. Помимо оклада, выплачиваемого деньгами, служащим выделялся также натуральный продукт, т.е. овес, рожь, соль и мясо, напр.:

*Молчан Федотов. 7 рублей. За сукно 48 алтын. 22
четы с осминою ржи, 22 четьи с осминою овса. 10 пуд
соли. 10 полоть мяса.*

Оклад служилых Бронного приказа, т.е. «бронников», «самопальных стрельцов», «мастеров самопальных пицалей» колебался с 3 до 12 рублей, но кроме денег их также «подкармливали», напр.:

*Иван Сергеев. 3 рубли. За сукно 21 алтыны.
3 пуды соли, 3 полти мяса, 6 четьи ржи, 6 четьи овса.*

Лишь один опричник из Постельного приказа и трое из Бронного получали жалование в виде поместья:

*Неупоклой Иванов. Жалованья ему 5 рублей. За сукно 24 алтыны.
5 пуд соли, 5 полоть мяса да поместья 50 четьи.
Шеломник Иван Савин. 5 рублей да 100 четьи поместья.
По 5 рублей да по 70 четьи поместья Сабельник Офона Торусин.
Сабельник Муха Торусин.*

Полсотни рублей получал стремянной конюх *Гаврило Гриденков*. По всей вероятности, второй член его именования происходит от слова *гридин*, означающего 'княжеского телохранителя, воина отборной дружины, гвардейца'¹¹. Остальные довольствовались более скромными суммами – от 1,5 до 20 рублей, но кроме чистых денег почти каждый второй получал хлеб, соль и мясо, напр.:

¹¹ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 1, Москва 2002, с. 395–396.

*Яким Федотов. 4 рубли. Пол 8 четьи ржи, пол 8 четьи овса.
Строчник Юшман Иванов. Хлеба 9 четьи ржи, а овса тоже,
3 полти мяса да 3 пуды соли,*

а некоторые также одаривались земельными владениями, напр.:

Некрас Щеголь. 30 рублей. Поместья 400 четьи.

Занятые в Сытном дворце имели примерно такой же оклад – от 1,5 до 15 рублей. Вероятнее всего из-за близости к столу эти опричники обходились без «кормовых», находились только на денежном довольствии. На общем фоне выделялся путный ключник *Василей Матисов* – он зарабатывал 25 рублей, а вот *Меншик Недюрев* оклада совсем не получал («в опричнине ему оклад не бывал»), но обиженным не считался, поскольку «Государева ему жалованья было в земском 50 рублей»¹².

Формальная структура «двучленных» ИС оказывается разной. Анализируемый материал позволяет заметить, что *nomina propria* двухкомпонентной формы нареkania представляют пять основных моделей: «имя некалендарное + отчество», «имя некалендарное + прозвище», «имя некалендарное + прозвищное отчество», «имя календарное + отчество», «имя календарное + прозвище».

Некалендарные имена фиксируются в неполных 20% всех отмеченных в списке двучленных именовании. По модели «имя некалендарное + отчество» в этой подгруппе образовано 16 % антропонимов. Это, напр.: *Безсон Вантеев, Первуша Дементьев, Худяк Демидов, Безсонко Еремеев, Пятой Михайлов, Третьяк Михайлов, Неустрой Мокеев, Ждан Нестеркин, Жданко Ортемов, Некраско Трофимов* и др. Размер оклада опричников этой группы колебался от 2 до 15 рублей, только оговоренные выше дьяки жаловались гораздо большими суммами.

Лишь несколькими примерами представлены модели «имя некалендарное + прозвище»: *Тренка Олешник, Замятия Перестрог, Офона Рябой, Некрас Щеголь, Нечай Щенок* и «имя некалендарное + прозвищное отчество»: *Безсон Лабутин, Волк Пишулин, Собинка Помогалов*.

Больше всех – 30 рублей и поместья 400 четьи – получал *Некрас Щеголь*, который работал в Конюшем приказе, самом имущем дворце. Остальным выплачивалось от 2 до 15 рублей. Как видим, прозвищный характер второго именовании в этой группе не влиял на статус носителя имени.

Абсолютное большинство (80%) выявленных в сборнике двухступенчатых ИС соответствует схеме с использованием начального календарного имени,

¹² Список опричников Ивана Грозного, с. 96.

которая также проявляется в двух моделях, однако почти все рассмотренные примеры образованы по первой из них – «имя календарное + отчество»: *Илья Булыгин, Юрьи Быкасов, Степанко Володин, Федор Елчанинов, Илья Кирин, Данилко Костин, Володя Лукин, Фома Михайлов, Данилко Тимофеев, Федор Якимов* и сотни др. Многочисленность этой группы идет в паре с разнообразием должностных функций, служебных обязанностей и соответственно окладов опричников (от 1,5 до 300 рублей). При этом высокородные знатные люди этой моделью именования «обслуживаются» нечасто – их перечень ограничивается тремя названными выше князьями-опричниками.

Онимы, отвечающие формуле «имя календарное + прозвище», фиксируются в нашем материале всего 17 раз: *Ондрюша Борец, Иван Бут, Ивашко Ведерка, Васка Зелень, Ондрюша Кобыла*¹³, *Иван Колмак, Федко Косяк, Иван Лоза, Федко Ляля, Даня Малой, Офоня Нагай, Яким Сорока, Ивашко Сухонос, Петрок Сырой, Гриша Толмачь, Василей Уздник, Юдка Хохол*. Относительно небольшое количество именований, образованных по этой модели, может говорить о том, что перед нами какие-то отголоски уходящей практики сосуществования христианских имен с некалендарными в рамках одного антропонима. Все служилые люди, именуемые прозвищным уточнением, не принадлежали к высшим слоям общества (работали портными, «бочарниками», комнатными сторожами или же служили в конюшнях), их оклад колебался от 1,5 по 15 рублей.

Интересно, что в списке опричников отмечается также один пример двучленного именования, где *patronimikum* образует аналитическую форму со словом *сын*: *Семейка сын Култашов*. Однако значитесь этот человек среди детей боярских, получавших 9 рублей «жалование з городы», а следующим в списке называется, по всей видимости, его брат: *Ондрюша Федоров сын Култашов*. Таким образом, можно предполагать, что это лишь описка и в представлении *Семейки* пропущено отчество *Федоров*. Косвенным свидетельством в пользу этого предположения может послужить то обстоятельство, что иных примеров подобного отклонения от основной модели в рассматриваемом памятнике письменности не фиксируется.

Случаи именования людей обращением к **трехкомпонентной** номинации характеризуются в списке опричников двумя моделями¹⁴: «имя + отчество +

¹³ Автор статьи не разделяет мнения Н.А. Баскакова, который пишет о происхождении ИС *Кобыла* от тюр. *Kambila* (Н.А. Баскаков, *Русские фамилии тюрского происхождения*, Москва 1979, с. 248).

¹⁴ Из системы выпадает антропоним *Данило Мурза Кубкеев*, образованный по модели «имя + имя прозвищное + родовое прозвание/фамилия/прозвище». О том, что *Мурза* – это не титул говорит тот факт, что это слово стоит на втором месте и, таким образом, выполняет функцию дополнительного имени-прозвища. Видимо, за должность этот опричник получал довольно вы-

родовое прозвание/фамилия/прозвище», «имя + аналитическое отчество + родовое прозвание/фамилия/прозвище».

При этом первой разновидностью трехступенчатой номинации нарекаются служилые люди, занятые в Постельном (3 чел.), Бронном (3 чел.) и прежде всего Конюшем приказе (104 чел.), а также два представителя детей боярских, напр.:

*Иван Никитин Верецага,
Митка Некрасов Горлов,
Степан Игнатъев Калабродов,
Васюк Истомин Микифроров,
Ивашко Гаврилов Плишкин,
Митка Федоров Селин
Михалко Немчин Семенов,
Богдан Микулин Сушин,
Федко Игнатъев Телегин,
Кирило Романов Томилов и др.*

Все они относятся к категории низкооплачиваемых, получают от 3 до 8 рублей, только *дьяка Ивана Юрьева Носа* жалуют 10 рублями – видимо, за должность, так же как конюшего *Филипа Тимофеева Спинова* – единственного опричника занятого «у постельных лошадей», зарплата которого составляет *15 рублей и поместья 200 чети*. Внимания заслуживает также зарабатывающий 15 рублей *Аврам Володимиров Благово*¹⁵. Отметим, что фамилия этого служащего выступает в форме родительного падежа имени прилагательного, а это, по свидетельству Б. О. Унбегауна, показатель знатности носителя: «в русском сохранилось два типа фамилий в застывшей форме родительного падежа единственного числа: фамилии на *-ово* и *-аго*. (...) носители этих имен принадлежали к русской аристократии»¹⁶. Синтетическая форма отчества *Аврама* скорее всего является следствием неточности в записи – остальные опричники из рода Благовых отмечаются с патронимом со словом *сын*, напр.:

сокий оклад – 50 рублей. Благодаря историческим источникам узнаем, что был он «поддатней рынды у государя» (см.: *Разрядная книга 1475–1605 гг.*, с. 487).

¹⁵ Благовы (Благово, Благие) – известный дворянский род. Многие из его представителей занимали в государстве высокие чины. Борис Петрович был послом в Царьграде в 1584 и 1585 г. Афанасий Иванович служил воеводою в Березове в 1594 г. Петр Владимирович старший два раза ездил в Польшу дворянином при посольстве. Петр Владимирович находился при датском принце Густаве в 1602 г. Благовы служили в XVII в. стольниками, дворянами московскими и стряпчими (см.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, *Энциклопедический словарь*, т. IV, Санкт-Петербург 1891, с. 42).

¹⁶ Б.О. Унбегаун, *Русские фамилии*, Москва 1995, с.138–139.

Богдан Блудов сын Благово, Гриша Шемякин сын Благово. Справедливость наблюдений Б. О. Унгебаума находит подтверждение также в примере *Князь Иван Сеитов Городетцкого 200 рублей*, где родовитость носителя подчеркивается в фамилии сразу двумя языковыми особенностями: формой род. падежа и наличием суффикса *-ский/-цкий*¹⁷.

Примеров обращения ко второй разновидности трехступенчатой модели именования – «имя + аналитическое отчество + родовое прозвание/фамилия»¹⁸ – в нашем материале отмечается 520. Такие антропонимы характерны прежде всего для представителей знати и детей боярских. Примеров именования служилых людей низших сословий – хлебников, помясов, сытников – отмечается здесь немного (всего около 12%), напр.:

*Иванко Иванов сын Оверкеев (пол 3 рубля),
Павлик Васильев сын Хохол (2 рубля с четью),
Гриша Григорьев сын Осеин (6 рублей),
Рудак Ильин сын Лихорев (4 рубли),
Богдашко Истомин сын Малоого (5 рублей),
Васка Третьяков сын Матусов (7 рублей),
Васка Неверов сын Хомутов (8 рублей),
Ивашко Ондреев сын Бобанин (4 рубли),
Иванко Никитин сын Щепин (5 рублей),
Фетко Леванисов сын Еремеев (8 рублей) и др.*

Среди знатных людей самое большое жалованье в 400 рублей получал *Василей Григорьев сын Зюзин*. В примечаниях к списку можно прочитать: «Неслучайно он получает такой же оклад, какой получал покойный Малюта Скуратов. Видимо, Зюзин разделял с ним (или унаследовал после его смерти) обязанности по охране безопасности царя»¹⁹.

За высокой должностью всегда следовали немалые деньги, например, *Григорей Григорьев сын Колычов* был воеводой большого полка в Полоцке и Ко-

¹⁷ Аналогичное положение наблюдаем в именовании из другой – многочисленной – группы: *Князь Федор княж Тимофеев сын Козловского*. Антропонимы на *-ский/-ской, -цкий/-цкой* изначально образовались от географических названий. Носителями этих уточняющих имен, трактуемых в качестве указателей на территориальную власть, были предстители боярства и дворянства, нарекаемые по названиям своих княжеств, уделов, наследственных владений и поместий (Б.О. Унгебаун, *Русские фамилии*, с. 19–20), однако уже с конца XVIII и в XIX вв. фамилии на *-ский* стали возникать преимущественно в среде церковной (А.М. Селищев, *Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ*, [в:] его же, *Избранные труды*, Москва 1968, с. 98).

¹⁸ Лишь в трех примерах вместо родового прозвания фигурирует прозвище: *Митка Ларин сын Кривой, Молчанка Третьяков сын Матус, Павлик Васильев сын Хохол*.

¹⁹ *Список oprичников Ивана Грозного*, с. 112.

реле, стоял во главе Стрелецкого приказа, за что вознаграждался двумястами рублей, а *Богдан Яковлев сын Белской* являлся рындой, т.е. оруженосцем, телохранителем царя, зарабатывал 250 рублей. В целом же представители знати (князья, бояре и дворяне) получали жалованье в 400, 250, 200, 100 рублей.

Анализ показывает, что представленные типы трехступенчатой модели именования – с неаналитическим и аналитическим патронимом – во времена Ивана Грозного довольно четко дифференцировали социальный статус носителей. Первая подмодель (с неаналитическим отчеством) обнаруживает склонность к нареканию простых служилых людей. Вторая (с аналитическим отчеством) употреблялась для именования дворян, бояр и боярских детей. Перед нами наглядное подтверждение того, что в XVI-м веке «передача отчества посредством сочетания сын с прилагательным от имени отца приобрела при посредстве московских приказных канцелярий официальное значение»²⁰.

Показатель наличия или отсутствия «сословной» аналитичности в патрониме предопределяет выделение подвидов также в примерах более громоздкого – **многокомпонентного** – именования.

Первую разновидность, характеризующуюся неаналитическим способом образования отчества, формально иллюстрируют два примера:

*Василией Иванович Умного Колычов 600 рублей,
Фторой Красной Офонасей Петелин 7 рублей.*

В первом антропониме число компонентов и двойное отчество как отражение известности прежних представителей рода (схема «имя календарное + отчество календарное + отчество прозвищное + родовое прозвание/фамилия») впрямую указывают на знатность именуемого. *Василией Иванович Умного Колычов* получал самое высокое жалование в опричнине и был воеводой в сторожевом полку и окольниковым в царских походах²¹. Опричник *Фторой Красной Офонасей Петелин* в качестве стряпчего был занят в Сытном дворце и получал всего 7 рублей. По всей вероятности, формула его нарекания – это «уточняющее мирское имя/прозвище + уточняющее мирское имя /прозвище + имя календарное + отчество». Многочленность именования этого человека имеет иную природу, отнюдь не указывающую на аристократичность. Первые две части антропонима, представляющие собой некалендарные имена или прозвища – *Фторой Красной*, явно служили разграничению многочисленных потомков одного отца. Неизвестно, чем они занимались, но совсем не исключается, что отмеченные в списке опричников *Пятой Петелин* и *Федор Пете-*

²⁰ А.М. Селищев, *Происхождение русских фамилий*, с. 102.

²¹ *Список опричников Ивана Грозного*, с. 112.

лин, как и *Фторой Красной Офонасей Петелин*, занятые в Сытном дворе, неслучайно носят одно и то же имя по отцу, а *Фторушка Богданов сын Петелин* – по деду (либо это его родовое прозвание).

Примеры именовании, где имя собственное состоит из многих элементов с аналитической формой *patronimikum*, фиксируются только в начальной части рукописи, т.е. в перечне бояр, дворян и боярских детей. Характерной чертой этого именованного списка, в котором значится 667 опричников, является то, что здесь, как правило, ничего не говорится о должностях или характере деятельности служащих, и только разница в окладах указывает на служебное положение.

Всего представленной схеме соответствует 13 антропонимов:

Князь – Иван княж Михайлов сын Гленской (600 рублей),
Князь – Борис княж Давыдов сын Тулунов (500 рублей),
Князь – Иван княж Володимеров сын Тулунов (200 рублей),
Матвей Третьяков сын Лошаков Колычев (70 рублей),
Дияк – Иван Большой Петров сын Извеков (50 рублей),
Князь – Ондрей княж Володимеров сын Тулунов (25 рублей),
Князь – Микита княж Володимеров сын Тулунов (17 рублей),
Князь – Федор княж Тимофеев сын Козловского (12 рублей),
Иван Зубок Федоров сын Култашев (11 рублей),
Гриша Менишой Яковлев сын Всеславин (10 рублей),
Петрок Иванов сын Нестеров Скобелцын (9 рублей),
Казаринко Петров сын Семенова Култашов (6 рублей),
Таир Иванов сын [Благово]²² Панов (5 рублей).

Разновидности этой схемы находят отражение сразу в нескольких моделях имятворчества: «имя + притяж. прил. княж + аналитическая форма отчества + родовое прозвание/фамилия»: *Иван княж Михайлов сын Гленской (600 рублей)*, «имя + аналитическая форма отчества + прозвищное отчество + фамилия»: *Матвей Третьяков сын Лошаков Колычев (70 рублей)*.

Приведенные выше примеры дают возможность заметить, что многокомпонентные именованья распространяются также и на малооплачиваемых опричников. В этих случаях антропонимы образуются по следующим схемам: «имя + аналитическая форма отчества + отчество отца (т.е. деда нарекаемого) + родовое прозвание/фамилия»: *Петрок Иванов сын Нестеров Скобелцын (9 рублей)*, «имя + аналитическая форма отчества + отчество отца (в род. падеже) + родовое прозвание/фамилия»: *Казаринко Петров сын Семенова Кул-*

²² Скобки проставлены в тексте рукописи.

ташов (6 рублей), «имя календарное + уточняющее имя мирское + аналитическая форма отчества + родовое прозвание/фамилия»: *Гриша Меншой Яковлев сын Всеславин (10 рублей)*, *Иван Зубок Федоров сын Култашев (11 рублей)*. В примерах этой группы фиксируются показатели уменьшения социального статуса владельца, т.е. деминутивная форма имени и присутствие уточняющего прозвища (его наличие, как мы уже убедились при анализе предыдущей группы, скорее заставляет соотносить антропоним с разрядом, содержащим на один компонент меньше).

Интересным является тот факт, что один из наивысших окладов в 400 рублей получала женщина – *Марья Малютина жена Бельского*. На службе она, конечно, не состояла, но деньги ей причитались как вдове самого Малюты Скуратова. Это единственный пример женского антропонима в исследуемом списке.

В целом, как видим, многоступенчатая система величания в основном распространялась на людей из привилегированных кругов общества, прочие опричники двора Ивана Грозного именовались попроще. Количество компонентов имени, равно как аналитический характер отчества, пусть не пропорционально, но отражали социальный статус носителя.

На положение человека в обществе указывали также словообразовательные характеристики именованного по отцу. Стоит обратить внимание на два зафиксированных в *Списке опричников* примера, когда отчество образуется с помощью суффикса *-вич*: *Василей Иванович Умнога Колычев*²³ вместе с князем *Иваном Михайловичем Глинским* получал самый высокий оклад в 600 рублей. Эти два имени характеризуются употреблением модели отчества, предназначенной для обозначения представителей высших социальных слоев²⁴. «Право на *-вич* строго ограничивалось законом, хотя ограничения эти за несколько столетий менялись с изменением главной социальной опоры власти. Указ 1627 г. устанавливал, что никто не может писаться с *-вичем* кроме членов Боярской думы»²⁵.

Анализ также дает возможность говорить о социально обусловленной роли календарных отчеств. Как замечает В.Б. Кобрин:

... отчества от некалендарных имен образуются иначе, чем от календарных (...). Действительно, обычно сын или дочь человека, именовавшегося в основном некалендарным именем, добившись более высокого положения, пользовалась

²³ Колычев-Умный Василий Иванович – опришнский воевода (*Список опричников Ивана Грозного*, с. 112).

²⁴ В.К. Чичагов, *Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.)*, Москва 1959, с. 47.

²⁵ В.А. Никонов, *Имя и общество*, с. 18.

отчеством, образованным от календарного имени. Так, дочь известного опричника Малюты Скуратова, еще будучи женой боярина Б.Ф. Годунова, а тем более став царицей, называлась Марией Григорьевной, а не Малютишной²⁶.

Исследование *Списка опричников* показывает, что в группе двукомпонентных именовании 45% отчеством образовано от славянских ИС. Среди трехчленных таковых насчитывается только 10%. В многокомпонентной группе выявлен лишь один пример с патронимом от славянского имени: *Матвей Третьяков сын Лошаков Колычев*²⁷. Все остальные *patronimika* образованы от календарных имен.

Наряду с маркерами, подчеркивающими высокий социальный статус носителя имени, в словообразовательной характеристике онимов выделяются также аффиксы, определяющие низкое положение человека в обществе. Таковыми являются уменьшительно-уничижительные суффиксы. В двух- и трехчленной системе нарекания опричников формы на *-ко/-ка* около 100 раз (9%) фиксируются в именах служилых людей, получавших от 3 рублей до 50 рублей, напр.: *Володка Клементьев сын Грешной (30 рублей)*, *Ивашко Володимиров сын Свиридонов (25 рублей)*, *Степанко Андреев сын Култашов (6 рублей)*, но в подавляющем большинстве случаев – почти в 5 раз чаще (45%) – деминутивы встречаются среди имен незнатных людей. Статистика употребления онимов с *-ко/-ка* наглядно подтверждает очевидную закономерность: чем меньший оклад выплачивался опричнику, тем большей является вероятность того, что его имя предстает в уменьшительно-уничижительной форме, напр.: *Ивашко Ведерка (пол 2 рубля)*, *Богдашко Петров (2 рубля)*, *Захарко Тимофеев Хвоин (пол 4 рубля)*.

Вместе с тем сам факт чрезвычайно активного употребления деминутивов говорит о расширении в рассматриваемую эпоху сферы применения подобных имен собственных. Ранее эта модель использовалась исключительно в номинации представителей самых низших слоев общества, списки же опричников – как-никак государевых людей – свидетельствуют о том, что уменьшительно-уничижительные суффиксы отчасти утрачивают характеристику обозначения социальной ущербности. Впрочем, высокий процент таких именовании именно среди царских служащих может рассматриваться лишь как следствие демонстрации преклонения перед верховным начальством. Не случайно, наверное, не последний человек в опричнине «один из податней рынды с копьём

²⁶ В.Б. Кобрин, *Опричнина. Генеалогия. Антропонимика*, Москва 2008, с. 170.

²⁷ В 1571 г. этот опричник был воеводой в г. Себеж. Во время государева похода в Серпухов в феврале 1574 г. был одним из наиболее приближенных к царю (*Список опричников Ивана Грозного*, с. 115).

у государя (...) назначенный в ночной караул в царском стане» именовал себя *Тимошка Суботин сын Осорьин (50 рублей)*²⁸. Процесс демонстративного самоуничтожения, конечно же, не мог зайти далеко, в рассматриваемых списках нет ни одной фиксации деминутивной формы имени, используемой при обозначении князей и дьяков.

Кроме суффикса со значением уменьшительности на невысокий ранг именуемого указывало использование в ониме суффикса *-x(a)*, как известно, приносящего в именование оттенок запанибратских отношений. Таких примеров в списке зарегистрировано всего 6, из них четыре представлены одним и тем же именем: *Тимоха Петров, Тимоха Власов Жовкин, Тимоха Иванов сын Кокорев, Тимоха Васильев сын Ширяев*, этот перечень замыкают *Илюха Самыгин* и *Грязнуха Петров*. Именования на *-ха* с учетом ареала их бытования и характерной для них сниженной экспрессии, должны были трактоваться как народные, а в этом случае если не само имя, то происхождение носителя ограничивало возможности его должностного роста. Трудно представить, чтобы простолюдин по имени *Грязнуха* сделал в государевой службе большую карьеру.

Если возьмем во внимание еще один параметр – происхождение имени, а точнее его календарный или некалендарный характер, то с уверенностью сможем заявить, что христианские имена в это время не только абсолютно преобладают (почти 80%), но и определяют ведущие позиции в социальной и должностной иерархии. Некалендарные имена в большинстве случаев встречаются среди незнатных людей, единичные примеры их использования относятся к категории детей боярских (*Гневаши Яковлев сын Извеков*) и дьяков (*дьяк Постник Суворов*). Мирские наименования фиксируются в основном в двукомпонентных (*Грязной Шубин, Третьяк Пустобояров, Ждан Поздеев, Безсон Михайлов*) и очень немногочисленных трехкомпонентных антропонимах (*Пьянко Борисов Легасов, Смердюга Иванов Злобин, Баженко Васильев Устинов, Волк Меньшой Дрожжин*) – всего в 20% от общего количества.

Подытоживая все сказанное, отметим, что при именовании человека в число формальных показателей его социального положения во времена Ивана Грозного входили: количество элементов именованного, структура отчества, календарный или мирской характер антропонимов, некоторые особенности в использовании словообразовательных средств. Следует обратить внимание на то, что в состав ИС по правилам того времени включалось также указание на титул и высокую должность человека (*князь, диак*) – это были обязательные компоненты именованного. Сегодня учет оговоренной условности позволяет из-

²⁸ Список опричников Ивана Грозного, с. 115.

бавить описываемую систему от многих, казалось бы, неоправданных исключений.

Произведенный анализ показал, что наиболее типичной для московских «служилых людей» второй половины XVI-го века была двухчленная модель именования, состоящая из календарного (реже мирского) имени и отчества. Трехчленная модель нареkania с аналитическим патронимом была более характерна высшему сословию, еще большую склонность к повышению статуса человека проявляют антропонимы, образованные по многокомпонентным схемам. Наличие вариантивных наименований во всех рассмотренных моделях свидетельствует о том, что антропонимикон находился тогда в переходном состоянии, в стадии формирования новой системы. В целом же во времена Ивана Грозного имя человека было более говорящим в представлении общественного «веса» своего носителя, чем сейчас.